

на эти, становятся лишь мнением, в котором угадывается индивидуальность, но не неизбежность объективного суждения? Как толерантное сознание получило преимущество, в чем заключается его неоспоримая значимость?

Ответ на вопрос, почему то, а не это закрепляется и, что главное, воспроизводится, — вопрос к историческому сознанию.

Ответ есть, но он очень субъективен — оставим — поставим его как интригу. Вопрос о том, как возможно толерантное сознание, не может быть решен внутри феноменологии, поскольку толерантность не принадлежит свойству самого сознания, толерантность не есть априорная категория сознания, а исторически возникшее, случайное для веков и для индивидуальных сознаний образование, которое сравнимо по аналогии лишь с критическим отношением к собственному мнению, которое иначе называется сомнением. Сомнение характерно для рациональной философии, для Декарта и традиции, которую он открывает, сомнение и есть тот ключ, тот доступ-уступ, который позволяет «присоединиться» иному, да так, что иное встроится и будет своим. Только философия способна позволить себе такую роскошь. Ни обыденное сознание с его технологией пересудов, ни религиозное не позволит пошатнуть себя необязательным внедрением иного. И правильно делает, защитив свою самобытность, свою архаичную целостность. Философское сознание развивается «на костях» предшественников, оно очень толерантно, оно очень критично к себе, оно только так и существует, и в этом философия похожа на науку.

В. В. Попов
Харьков

ИРОНИЯ ЗАПАДА И ЮМОР ВОСТОКА: «ДРУГОЕ» ПРОЕКЦИЙ

Дихотомичность идеальностей «Запад» и «Восток» может быть представлена не (только) как осмысление неких гипостазированных (социокультурных) самосущностей и их фундаментальных оснований и заданий структурности в качестве базовой оппозициональности, а (и) в более «предельном» проявлении — как непосредственное амбивалентное основа-

ние возможности некоторой формы действительности. Того «другого» (западного — восточному, восточного — западному), внутри чего и благодаря чему производится любая (западная или восточная) определенность. Так, у каждого «Запада» есть свой «нелокализованный» «Восток», а у каждого «Востока» есть свой «рассыпающийся» «Запад».

Если такое двойственное — «западно/восточное» — основание для своего конкретного выражения должно приобретать определенную («одну») «объективированность», но с сохранением всей специфики различия своих («других») составляющих, то возникает необходимость в соответствующих мыслительных стратегиях, которые бы имманентно учитывали указанную «двусоставность» и соотносились с ней. В таком случае возможным может оказаться обращение к «двойной» направленности «фигур» иронии и юмора, отличающихся одновременной реализацией в них и утверждения, и отрицания: удвоенная коннотация «Запад/Восток», проецированная через иронию/юмор.

Традиционно ироническим считается движение, состоящее в выходе за пределы данного к какому-то «высшему», «истинному» принципу или основанию, чтобы признать за действительностью лишь определенную «вторичность», «не-истинность». Соответственно юмористическое движение не стремится к какой-либо высоте своей перспективы, а косвенно обходит реальность, принимая и углубляя ее проявления — своеобразное «нисхождение» от принципов реальности к ее следствиям. Заметим, насколько эти способы отношения к реальности «сразу» начинают «обобщаться», идеологизироваться, действовать идеологически. Преобладающие установки Запада как раз в большей степени реализуют логику иронии, а Востока — юмористическое движение. Если здесь за иронией признается большая степень экспрессированной активности, а за юмором, в таком смысле — своеобразной пассивности, то это отвечает смыслам традиционных сравнительных противопоставлений: Запад — динамичный процесс производства материальных ценностей и Восток — первоочередная ориентация на воспроизводство самой жизни и ее сохранение; западная история — темпоральность, поступательное (стадиальное) развитие, восточная история — аисторичная пространственность, или западная экстравертированность и восточная интровертированность. Так же внутри любого «Запада»

есть свой «Восток», как фундамент воспроизводства, хотя сам «Запад» как трансценденция — выход за пределы того же «Востока».

Ирония реализуется в западных формах рациональности, где само *ratio* и становится тем «высшим», «абсолютным» принципом или основанием, к которому и апеллирует иронический западный дискурс. Утилитарная декартовская рациональность, которая утилизирует саму же себя. Отметим конкретную рефлексивную значительность иронических стратегий в современном западном философствовании, например, «иронический избыток реальности» в обеспечении процессуальности симулятивного у Ж. Бодрийера или концепция «иронического либерализма» Р. Рорти. Шире: ироничность Запада, «нашей постсовременной Современности» — это сомнения рационализма, сциентизма и цивилизаторского пафоса в самих себе, их обращение против самих себя — тотализующая ирония постмодернизма. Насколько (не-)иронична в своем пафосе «деконструкция» (как, в авторском) признании у Ж. Деррида, «весьма изоциренный» способ симпатизировать все тому же западному логоцентризму, даже любить его)? Восточный юмор может быть достаточно прозрачно представлен в «ситуации коана» как определенного интегратора «восточности». Своеобразная игровая абсурдность юмора и создает парадоксальность дзэнского коана с его превалирующей «логикой абсурда» — «Когда пытаются увидеть высшее, падают ниже» — насмешкой над «нормальной рациональностью», когда именно скрупулезным следованием проявлениям (их «ловят на слове», им следуют буквально) реальности, их эрзац-юмористическому углублению и разрастанию и удается трансгрессировать нормы «здорового смысла». Так юмор фантазматичен, а ирония — симуляционна.

Двойственность дихотомии «Запад/Восток» тогда дифференцируется на «западное» ироническое рассмотрение реальности с точки зрения ее принципов («логика принципов») и «восточное» юмористическое — как рецепция ее же следствий («логика следствий»), что и создает через такую иронико-юмористическую рефлексивность в своем двойном-другом итоге саму действительность: определенное содержание, всегда ускользающее, претерпевает двойное преобразование, взаимодополнительное «оплотнение» западного/восточного и дает при полагании всей своей различности амбивалентную

«сплошность» «Запада/ Востока» как необходимый пример исключенности из модуса утверждения/ отрицания, из мышления без приоритетного противопоставления как не только «другого» мышления, но и мышления из другого.

И. Н. Рассоха
Харьков

ЗАЧЕМ УЧИТЬ ФИЛОСОФИИ?

«Зачем нужна философия?» — вопрос сам по себе в высшей степени философский, с этого, собственно, мы и начинаем свое преподавание студентам. И при этом обязательно вспоминаем, что слово «философия» значит в переводе с древнегреческого «любомудрие», т. е. «любовь к мудрости». Но что такое мудрость? На этот счет, как правило, преподаватели философии не очень долго распространяются, высказываясь в том смысле, что, дескать, своя стихийная мудрость есть у каждого, что народ запечатлел ее в пословицах и поговорках, но вот философы делают все то же самое гораздо более профессионально. И далее плавно переходим к связи с мифологией и религией, чтобы на следующий раз уже говорить о философии Востока... Но сейчас я хотел бы предложить на время оставить Индию и Китай в покое и сразу поговорить о цивилизации Запада, к которой мы все (в широком смысле) принадлежим и где философия началась в Древней Греции. Очевидно, что философия как институционализованный род человеческой деятельности началась тогда, когда ей стали учить, т. е. стали профессионально учить мудрости. Пифагорейцев и «физиологов» можно назвать первыми профессиональными учеными, но для нас, современных философов, они еще не были в полном смысле братьями по профессии. Таковыми стали древнегреческие софисты.

Гегель писал: «Название «софисты» они сами себе дали, разумея под ним учителей мудрости, т. е. таких учителей, которые могут сделать людей мудрыми... Следует даже сказать, что софисты были учителями Греции, и лишь благодаря им образование вообще получило там существование»⁷⁶. И да-

---

⁷⁶ Гегель. Г. В. Ф. Лекции по истории философии // Сочинения. М., 1932. Т. 10. С. 5–7.